



DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.15>

УДК 811.111'42

ББК 81.432.1-51

ВОЗРАСТ АДРЕСАТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Белоглазова Елена Владимировна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теории языка и переводоведения,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
gaemahet@gmail.com
ул. Садовая, 21, 191023 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье обоснована гипотеза о прямой зависимости между возрастным параметром адресата художественного произведения и дискурсивной структурой последнего. При этом автор исходит из тезиса о том, что художественную литературу в целом отличает дискурсивная гетерогенность, отражающая стремление последней представить описываемый мир во всей его полноте и сложности, и предположения о том, что это свойство распространяется и на детскую художественную литературу, хотя претерпевает в ней определенные изменения.

Категория адресованности значима для детской литературы, поскольку предопределяет: на поверхностно-языковом уровне – отбор и организацию языковых средств в тексте произведения; на содержательном уровне – выбор сюжетов и персонажей; на идеологическом уровне – конфигурацию полидискурса детской литературы, а также отбор и презентацию представителей своих дискурсов.

Специфика детской художественной литературы состоит прежде всего в ее обусловленности идеологией, социальным заказом, т. е. представлением общества о правильной детской книге. Детская литература выступает важнейшим инструментом социализации, а чтобы быть эффективным, инструмент должен соответствовать своему объекту, что и обуславливает важность учета возможностей разновозрастных читателей.

Сложность дискурсивной структуры отдельных произведений детской литературы демонстрирует прямую зависимость от возраста своего идеального читателя, что показано в статье на сравнительном анализе произведений, адресованных полярным возрастным группам, находящимся на нижней и верхней границах детского возраста.

Анализ эмпирического материала показывает, что по мере взросления адресата возрастает и сложность дискурсивной структуры произведения, и разнообразие способов введения интердискурсом.

Ключевые слова: детская литература, дискурс, дискурсивная гетерогенность, идеология, адресат.

Введение. Проблема зависимости дискурсивной структуры художественного произведения от возраста его адресата рассматривается нами на материале англоязычной детской художественной литературы. В настоящей статье мы продолжаем начатые в наших предыдущих публикациях рассуждения об адресованности как системообразующей категории детской литературы [6] и о роли идеологии в структурировании полидискурса детской художественной литературы [4].

Художественная литература для детей (ДХЛ) появилась позже, чем художественная литература (ХЛ) для взрослых. Рождение ДХЛ в ее современном понимании связано, по видимому, с творчеством Л. Кэррола, последовательно реализовавшего принцип примата функции развлечения над функцией воспитания. В XIX в. были созданы лишь отдельные детские художественные произведения; при этом большинство из них имело конкретных адресатов и только позже было записано и издано для широкой детской аудитории. В XX в. создание ДХЛ приобрело размах индустрии, однако появившийся богатый литературный материал не сразу привлек внимание ученых в качестве объекта исследования.

В России, вероятно, одним из первых о специфике литературы для детей писал К.И. Чуковский в своем труде «От двух до пяти», вышедшем в 20-е гг. прошлого столетия. Проявлением лингвистического интереса к ДХЛ стала «Морфология сказки» В.Я. Проппа (1969). Однако более пристального внимания лингвистов ДХЛ была удостоена позже: в 1980–90-х гг. опубликована серия исследований, посвященных сказке и фольклору (работы Н.М. Ладисовой, Т.В. Доброницкой, М.В. Ивановой, И.В. Гейнце, Е.М. Китаевой, О.Н. Гронской); более широкий материал, т. е. ДХЛ в целом, рассмотрен лишь в работе Н.Н. Соловьевой [13]; в 2001 г. появилось наше исследование [6].

За рубежом интерес к литературе для детей проявился тоже относительно недавно. Известный современный американский исследователь ДХЛ Л. Маркус отмечает, что когда в 40-х гг. XX в. Иона и Питер Опи обратились к изучению детского фольклора, они столкнулись с презрением и скептицизмом корифеев науки, считавших литературу для детей недостойной внимания исследователя [16, с. 5]. К. Кроуи в своей недавней работе с сожалением отмечает всеобщее пренебрежение к детской литературе, непосредственный же объект рассмотрения – детскую литературу о спорте – он именуется «вдвойне проклятой» (*doubly damned*) [15, с. 7].

Таким образом, ДХЛ как самостоятельный феномен остается практически неизученной и в отечественной, и в зарубежной лингвистике; значительная доля исследований по-прежнему ведется в литературоведческом русле; остается за рамками рассмотрения требующий междисциплинарного подхода наиболее существенный, с нашей точки зрения, аспект изучения ДХЛ – ее зависимость от идеологического социального заказа.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что современная ДХЛ является прежде всего социализирующим инструментом. Однако за века становления и развития этого вида литературы у авторов сформировалось четкое представление о возрастной специфике адресата, ее учет предопределяет соотношение и вербализацию социализирующего и развлекательного начал в конкретных произведениях.

Теоретические основания исследования. Наше исследование базируется на теории М. Фуко, понимавшего *дискурс* как форму хранения и представления знаний, о чем свидетельствует и название его труда, посвященного проблемам изучения дискурса, – «Археология знания» [14]. Назначение дискурса состоит в том, чтобы сделать возможным процессы приобретения, хранения, преобразо-

вания, порождения и применения человеком знаний. Подобное определение, ни в коей мере не претендующее на полноту, тем не менее эвристично, поскольку высвечивает особый потенциал дискурсивного подхода к изучению литературы для детей как инструмента их социализации.

Однако прежде чем приступить непосредственно к дискурсивному анализу эмпирического материала, остановимся на некоторых рабочих терминах, в определении которых в современной науке еще не сложилось единого мнения.

Итак, приходится констатировать, что среди филологов нет единства мнений в *определении ДХЛ*, рамки которой могут значительно сужаться или расширяться в зависимости от исследовательского подхода. При узкой трактовке под ДХЛ понимается совокупность произведений, изначально адресованных сугубо детской аудитории. Более широкая трактовка предполагает включение в корпус ДХЛ и произведений, изначально написанных для взрослых читателей или не параметризующих адресата по возрасту, но побывшихся детям.

Мы придерживаемся узкого понимания ДХЛ, поскольку для нас существенен фактор адресата, признаваемый теоретиками дискурсивного анализа одним из дискурсоконституирующих факторов [12].

В науке нет единства мнений и относительно трактовки термина «дискурс». Множественность и разнообразие его значений отмечаются во всех обзорных работах по этому вопросу, число выделяемых подходов варьируется от двух [8] до восьми [11]. Учитывая общую диффузность теории дискурса, сложившейся в отечественной науке на комбинированной базе различных национальных школ и научных направлений, дадим его рабочее определение. *Дискурс* в нашем понимании представляет собой двухуровневую сущность, единство содержания – некоторой области человеческих знаний или практики и формы – языковых средств, служащих для вербализации этих знаний и практик.

Можно ли назвать в таком случае ДХЛ дискурсом? И.П. Амзаракова пишет: «Мы ... понимаем под ДХЛ литературу для детей и юношества, имеющую, как правило, детей и их

проблемы в качестве объекта рассмотрения» [1, с. 17]. Следовательно, ДХЛ обнаруживает тематическое единство и единство адресата, что позволяет назвать художественную литературу для детей дискурсом. Однако это утверждение требует некоторых уточнений.

Художественная литература в целом носит гетерогенный характер, поскольку литературный дискурс интенсивно взаимодействует с дискурсами, расположенными вне поля художественного языка. В частности, именно на эту важную черту ХЛ указывает Д.С. Лихачев, говоря об «анфиладном построении» произведения в литературе Древней Руси: «произведения часто механически соединялись друг с другом, как соединялись в одну анфиладу отдельные помещения» [10, с. 253]. Аналогичную мысль находим у М.М. Бахтина, считавшего диалогизм отличительной чертой художественной литературы. При этом внутренний диалогизм художественного произведения отражает диалогизм, т. е. неоднородность, расслоенность языка «на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов» [3, с. 76].

Бахтинский «диалогизм», однако, как термин слишком объемный для наших целей, поскольку включает в себя широкий спектр отношений между коммуникантами, текстами, дискурсами, семиотическими кодами и др. Поэтому, анализируя художественную литературу, мы описываем ее в терминах *дискурсивной гетерогенности*, а именно *интердискурсивности*, акцентирующей динамический аспект диалога дискурсов, и *полидискурсивности*, представляющей результат этого диалога, являющий себя в виде сосуществования, переплетения дискурсов в смысловой структуре текста. Вводимый нами термин «полидискурсивность» удачно вписывается в современную лингвистическую парадигму и дополняет ряд уже имеющихся терминов, таких как *полифоничность*, *политекстуальность*, *полисемиотичность*.

Терминологическая оппозиция – интердискурсивность / полидискурсивность – является существенной в логике наших рассуждений, поскольку:

а) *интердискурсивность* характеризует конкретный единичный текст, представляющий собой в силу своей дискурсивной неоднородности интердискурс; *полидискурсивность* характеризует открытое множество текстов, в дискурсивной структуре которых есть повторяющееся ядро, именуемое нами полидискурсом;

б) *интердискурс* отличается относительной спонтанностью и непредсказуемостью; *полидискурс* – стабильностью и воспроизводимостью;

в) *интердискурс* обусловлен замыслом автора; *полидискурс* – идеологией, общей для данного сверхтекста.

ДХЛ в целом следует рассматривать как полидискурс, характеризующийся сложившимся идеологически обусловленным набором дискурсов, а отдельное произведение – как более или менее выраженный интердискурс, составную часть полидискурса.

Таким образом, мы подошли к последнему из ключевых понятий нашей концепции – *идеология*.

Идеологию ДХЛ можно определить как систему взглядов, ценностей, идей, определяющих форму и содержание создаваемых произведений. Эти идеи являются, по сути, представлениями о целях и задачах детской литературы, сложившихся в обществе, к которому принадлежат и автор, и потенциальные читатели.

Мы напрямую связываем идеологию ДХЛ с ее адресованностью, поскольку адресат литературы для детей, которого она призвана сделать идеальным членом общества, является объектом ее формирующего воздействия. Как и адресат произведений литературы для детей, идеология ДХЛ отличается двойственностью. С одной стороны, она оказывается непосредственно связанной с представлением взрослых о правильной книге для детей. Детский возраст – время формирования личности, и задача общества – воспитать эту личность так, чтобы она соответствовала его нуждам. Литература – это социальный институт на службе у общества, призванный выполнять эту функцию, *функцию социализации*. С другой стороны, литературу, служащую исключительно интересам взрослых, дети читать не будут. Следовательно, идеология ДХЛ обуславливает стремление авто-

ров привлечь и заинтересовать читателя-ребенка. Обозначим эту функцию как *развлечение*. Таким образом, мы выделили две доминирующие идеологически обусловленные функции ДХЛ – социализацию и развлечение, которые реализуются в произведениях для детей посредством набора различных дискурсов (подробнее об этом см.: [4]).

В основе дискурсивной гетерогенности лежит идеологически обусловленный относительно стабильный набор дискурсов, группирующихся вокруг двух ее основных функций. Однако учет фактора адресата высвечивает еще один существенный момент: дискурсивная гетерогенность является фактором сложности восприятия текста читателем [5], однако в том случае, когда адресатом произведения является неопытный читатель, такая дополнительная сложность должна быть оправдана. Интердискурсивность представляется величиной непостоянной, демонстрирующей тенденцию к нарастанию пропорционально изменению возраста идеального читателя. При этом полидискурсивность градуальностью не характеризуется. Качественный состав полидискурса неизменен и служит средством выражения определенной идеологии. Именно фактор идеологии, единой для всей детской литературы, позволяет нам говорить о едином полидискурсе ДХЛ, несмотря на то, что она представляет собой корпус текстов, достаточно разнообразных по жанровому, возрастному, гендерному и др. параметрам, демонстрирующих, помимо прочего, различия и в степени интердискурсивности.

Проиллюстрируем наши рассуждения анализом произведений, адресованных разным возрастным группам, находящимся на нижней и верхней границах детского возраста: рассмотрим дискурсивный состав книг-картинок, предназначенных для самых маленьких, начинающих читателей, и многотомного романа о Гарри Поттере, читательскую аудиторию которого составляют прежде всего подростки.

Дискурсивная структура литературы для дошкольной аудитории. Анализ книжек-картинок обнаруживает их семиотическую гетерогенность, иными словами, полисемиотичность, креолизованность. Наличие усиленного невербального компонента представля-

ется характерной чертой детской литературы в целом. Обусловлена эта черта особенностями адресата-ребенка, а именно его мышлением – по преимуществу наглядно-образным. Следовательно, максимальная степень проявления полисемиотичности наблюдается в произведениях, обращенных к самым маленьким читателям.

На современном этапе развития ДХЛ художник-иллюстратор является соавтором книги, его имя указывается рядом с именем автора на титульной странице издания [16, с. 111]. Нередко автор и иллюстратор – один человек, реализующий свой художественный замысел в двух плоскостях – текстовой и визуальной – одновременно. Наиболее тесно вербальный и невербальный компоненты переплетаются в особом типе детских книг – книгах-картинках (*picture books*). Причем эти два компонента не просто сопresentуются в книге: отношения между вербальным и невербальным рядами может варьироваться от простого дублирования до дополнения или даже контраста.

В некоторых лингвистических работах креолизованность, «межсемиотичность» отождествляется с интердискурсивностью [7], т. е. дискурс связывается с определенной семиотической системой, а не с фрагментом мира. Однако нам ближе позиция Н.Д. Арутюновой, согласно которой «дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи» [2, с. 137], т. е. невербальный компонент произведения. Таким образом, в межсемиотичности детской художественной литературы, и книг-картинок в особенности, мы не усматриваем интердискурсивности. Оба семиотических ряда содержательно взаимосвязаны и соотносимы с одной и той же ментальной сферой, которую они, каждый по своему, манифестируют. С точки зрения лингвистики и анализа дискурса невербальный компонент имеет вспомогательный характер, отождествляя мир слов (собственно дискурс) и тот фрагмент действительности, который этот дискурс вербализует.

Здесь мы вплотную подходим к выявлению еще одной характерной черты рассматриваемого жанра – предельно узкой тематики. Книжки-картинки призваны познакомить читателя с конкретным фрагментом действительности, который представлен в относитель-

но полном и связном виде. Однако полнота представления действительности относительна, поскольку на нее накладывается ограничивающий фактор идеологии ДХЛ: любое произведение должно реализовать ключевые функции литературы для детей – социализацию и привлечение, которые обуславливают как содержание, так и форму произведений. Что касается связности, то она трактуется в лингвистике преимущественно как когнитивная связанность, когерентность. Г.В. Колшанский так описывает это свойство текста: «интерпретатор считает текст с позиций некоторого лица дескриптивно когерентным, если он в состоянии поставить в соответствие этому тексту определенный коррелят, являющийся целостным с точки зрения этого лица. Коррелят понимается как фрагмент мира, который интерпретатор приписывает этому тексту» [9, с. 56–57]. Это определение оставляет возможность индивидуального восприятия текста в плане его связности, что делает любой текст относительно когерентным – то есть когерентным относительно конкретного интерпретатора. В случае же книг-картинок мы имеем дело с максимально объективной когерентностью, поскольку идеальный читатель, адресат этих произведений, не имеет еще собственного опыта в описываемой предметной сфере, с которым он мог бы соотносить текст. Следовательно, возможность индивидуальной интерпретации, а вместе с ней и роль второго участника коммуникации в формировании когерентности сводятся к минимуму.

Наши рассуждения строятся на анализе текстов из антологии «The 20th century children's book treasury» («Сокровищница детских книг XX века»), в которой собраны лучшие книжки-картинки для дошкольников. В качестве иллюстрации приведем рассказ Э. Дж. Китса «The Snowy Day» («Снежный день»), адресованный по редакторской оценке средне-дошкольному возрасту, т. е. характеризующийся сюжетом и достаточно развернутым вербальным компонентом, в значительной мере подкрепленным визуальным рядом. Фрагмент мира, описываемый в данном произведении, очерчен в заглавии – «Снежный день». Идеологическая направленность рассказа ясна – он призван показать ребенку, как можно получать удовольствие от зимней прогулки. Прогулки важны для здо-

ровья ребенка, а обществу важно вырастить своего нового члена здоровым, что и объясняет идеологическую подоплеку рассказа.

Весь рассказ эксплицирует сложный концепт *зима*, входящий в разворачивающуюся в произведении когнитивную структуру *занимательная зимняя прогулка* (акцент на положительные черты, порой необъективный, широко распространен в литературе для детей и также имеет идеологическую обусловленность). Рассматриваемая когнитивная структура имеет динамический характер и включает в себя последовательность действий главного персонажа:

– одевание в зимний комбинезон (*snowsuit*) и выход на улицу;

– хождение по снегу и одновременно вслушивание в необычные звуки (*Crunch, crunch, crunch, his feet sank into the snow*), последующая оценка дорожек следов, получившихся после смены стиля ходьбы (подкреплено звукоизобразительно и визуально);

– обвал снега с дерева с помощью палки (подкреплено визуально и звукоизобразительно: *Down fell the snow – plop! – on top of Peter's head*);

– наблюдение за игрой старших детей в снежки (*snowball fight*), сопровождающееся здравым рассуждением главного персонажа о том, что сам он слишком мал еще для такой игры (подкреплено визуально);

– лепка улыбающегося снеговика (*smiling snowman*) (подкреплено визуально);

– создание на снегу следов-ангелов (подкреплено визуально);

– игра в скалолаза и катание с горки (подкреплено визуально);

– лепка снежка и принос его домой;

– снятие с помощью мамы мокрой одежды и рассказ о приключениях (подкреплено визуально);

– обнаружение растаявшего снежка.

В когнитивном плане рассказ представляется объективно монолитным, создающим в сознании читателя полноценный позитивный сценарий зимней прогулки. Таким образом, можно заключить, что художественные произведения для младшей категории читателей отличает преимущественная монодискурсивность и ярко выраженная идеологизированность выбора и подачи сведений о мире, призванных служить заменой личному опыту.

Дискурсивная структура литературы для подростковой аудитории. Иную дис-

курсивную структуру можно наблюдать в литературе, адресованной подростковой аудитории, именуемой в англоязычной традиции *young adults literature*. Согласно автору серии романов о Гарри Поттере, избранной нами в качестве иллюстрации, они предназначены детям от 8 лет. Однако это утверждение можно соотнести только с первой книгой романа, поскольку адресаты последующих книг взрослеют вместе с главными героями; восьмилетнему же читателю темы заключительных книг романа непонятны. Мы считаем, что это произведение уже не столько детской, сколько подростковой направленности, т. е. по возрастному параметру находится на противоположной от книжкартинок границе детской художественной литературы.

Интердискурс романов Дж. Роулинг включает, во-первых, элементы дискурсов, носителями которых выступают волшебное и обывательское дискурсивные сообщества, а, во-вторых, элементы специальных дискурсов, соотносимые с различными сферами деятельности в описываемом волшебном мире, создаваемые автором по моделям их аналогов в мире реальном: в романе можно выделить учебный, научно-технический, природоведческий, медицинский, юридический, социологический, публицистический и другие дискурсы.

Обращает на себя внимание не столько большой набор дискурсов, сколько разнообразие способов их введения. Интердискурсивные, т. е. непосредственные стыки / швы между дискурсами в ткани текста, могут иметь как развернутый характер, где их относительно легко распознать и интерпретировать, так и точечный характер, маркируемый единичным словом, например:

*“But we're not telling you what was in there, so keep your noses out if you know what's good for you,” said a Gringotts **spokesgoblin** this afternoon (JKR PhS).*

Шов между дискурсами приходится на конкретное слово – авторский неологизм *spokesgoblin*, построенный по продуктивной морфологической модели (ср. *spokesman, spokesperson*) и представляющий собой слияние грамматического маркера одного дискурса с концептом другого дискурса.

В других случаях интердискурсею выступает целый вводимый интекст, суперструктура которого имитируется автором. Например:

Стилизация делового дискурса:

*Dear Mr. Potter,
Please note that ...
A list of books for next year is enclosed.
<...>
Yours sincerely,
Professor M. McGonagall
Deputy Headmistress (JKR PA).*

Стилизация рекламного дискурса:

**** THE FIREBOLT ****

THIS STATE-OF-THE-ART PACING BROOM SPORTS A STREAM-LINED, SUPERFINE HANDLE OF ASH, TREATED WITH A DIAMOND-HARD POLISH AND HAND-NUMBERED WITH ITS OWN REGISTRATION NUMBER. EACH INDIVIDUALLY SELECTED BIRCH TWIG IN THE BROOMTAIL HAS BEEN HONED TO AERODYNAMIC PERFECTION, GIVING THE FIREBOLT UNSURPASSABLE BALANCE AND PINPOINT PRECISION. THE FIREBOLT HAS AN ACCELERATION OF 150 MILES AN HOUR IN TEN SECONDS AND INCORPORATES AN UNBREAKABLE BRAKING CHARM. PRICE ON REQUEST (JKR PA).

Стилизация публицистического новостного дискурса, для которого характерно употребление разговорной лексики и даже жаргона, что мы и наблюдаем в следующем примере:

GRINGOTTS BREAK-IN LATEST (JKR PhS).

В приводимом ниже предложении, начинающем текст, стилизованный под газетную новость, маркером вводимого дискурса выступает уже не лексическая единица, а коммуникативно-синтаксическая структура высказывания, типичная для новостного дискурса и содержащая два основных компонента – факт и указание на источник знаний о нем:

Sirius Black, possibly the most infamous prisoner ever to be held in Azkaban fortress, is still eluding capture, the Ministry of Magic confirmed today (JKR PA).

Итак, очевидно, что сложная дискурсная структура рассматриваемого произведения требует обширного опыта читателя, его зна-

ний как об устройстве реального мира, так и о различных бытующих в нем дискурсивных практиках, освоение которых – долгий и трудоемкий процесс. Это наблюдение подтверждает нашу гипотезу о возрастной обусловленности уровня интердискурсивности произведений литературы для детей.

Заключение. Анализ детской художественной литературы позволил нам наглядно продемонстрировать вариативность интердискурсов текстов, ориентированных на разновозрастную аудиторию и подтвердить гипотезу о том, что дискурсивная гетерогенность, являющаяся фактором сложности при восприятии текста читателем, – величина непостоянная, она нарастает по мере взросления адресата.

Адресованность и дискурсивная гетерогенность – две категории, дающие глубинное понимание природы литературы для детей, радикально отличающейся от «взрослой» литературы. При этом адресованность предопределяет не только темы, поднимающиеся в ДХЛ, и язык их описания, но и:

- представление о том, каким должно быть произведение ДХЛ;
- полидискурс, лежащий в основе ДХЛ;
- отбор и презентацию представителей своих дискурсов;
- степень дискурсивной сложности конкретного произведения;
- способы введения интердискурсем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амзаракова, И. П. Языковой мир немецкого ребенка / И. П. Амзаракова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 240 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
4. Белоглазова, Е. В. Дискурсивность, интердискурсивность, полидискурсивность литературы для детей / Е. В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 195 с.
5. Белоглазова, Е. В. Когнитивный механизм интердискурсивности / Е. В. Белоглазова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 64–73.
6. Белоглазова, Е. В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литера-

туры : дис. ... канд. филол. наук / Белоглазова Елена Владимировна. – СПб., 2001. – 195 с.

7. Горбунова, Н. Г. Гетерогенность текста Дж. Джойса: о механизмах связности в «бессвязном» тексте / Н. Г. Горбунова // Лингвистика текста и дискурсивный анализ : Традиции и перспективы. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 85–91.

8. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В. З. Демьянков // Язык. Личность. Текст. – М. : Яз. слав. культур, 2005. – С. 34–55.

9. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 112 с.

10. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 303 с.

11. Серю, П. Как читают тексты во Франции / П. Серю // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / ред. Ю. С. Степанов. – М. : Прогресс, 1999. – С. 11–52.

12. Серю, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций / П. Серю // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / ред. Ю. С. Степанов. – М. : Прогресс, 1999. – С. 337–383.

13. Соловьева, Н. Н. Авторские новообразования в детской литературе: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Соловьева Наталья Николаевна. – М., 1995. – 17 с.

14. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 206 с.

15. Crowe, Ch. More Than a Game: Sports Literature for Young Adults / Ch. Crowe. – Lanham, MD : Scarecrow Press, 2004. – 188 p.

16. Marcus, L. S. Ways of Telling / L. S. Marcus. – N. Y. : Dutton Children's Books, 2002. – 245 p.

ИСТОЧНИКИ

20th Century Children's Book Treasury: Celebrated Picture Books and Stories to Read Aloud. – N. Y. : Alfred A. Knopf, 1998. – 308 p.

JKR PhS – Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J. K. Rowling. – L. : Bloomsbury, 1997. – 223 p.

JKR PA – Rowling, J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban Stone / J. K. Rowling. – L. : Bloomsbury, 1999. – 317 p.

REFERENCES

1. Amzarakova I.P. *Yazykovoy mir nemetskogo rebenka* [The Language World of a German Child]. Abakan, Izd-vo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2004. 240 p.

2. Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [The

Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 136-137.

3. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. 504 p.

4. Beloglazova E.V. *Lingvisticheskie aspekty adresovannosti angloyazychnoy detskoj literatury. Dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Aspects of the Addressee Category of the English Children's Fiction. Cand. philol. sci. diss]. Saint Petersburg, 2001. 195 p.

5. Beloglazova E.V. *Diskursnost, interdiskursnost, polidiskursnost literatury dlya detey* [Discursivity, Interdiscursivity, Polydiscursivity of Children's Fiction]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, 2010. 195 p.

6. Beloglazova E.V. *Kognitivnyy mekhanizm interdiskursnosti* [The Cognitive Mechanism of Interdiscursivity]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2009, no. 2, pp. 64-73.

7. Gorbunova N.G. *Geterogenost teksta Dzh. Dzhoyasa: o mekhanizmax svyaznosti v "bessvyaznom" tekste* [J. Joyce's Text Heterogeneity: on the Mechanisms of Cohesion in an Incohesive Text]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: Traditsii i perspektivy* [Text Linguistics and Discourse Analysis: Traditions and Perspectives]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, 2007, pp. 85-91.

8. Demyankov V.Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennogo yazyka* [Text and Discourse as Terms and Routine Words]. Toporov V.N., ed. *Yazyk. Lichnost. Tekst* [Language. Personality. Text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2005, pp. 34-55.

9. Kolshanskiy G.V. *Obyektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Worldview in Studying Language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 112 p.

10. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of the Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 303 p.

11. Serio P. *Kak chitayut teksty vo Frantsii* [How Texts Are Read in France]. Stepanov Yu.S., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: the French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 11-52.

12. Serio P. *Russkiy yazyk i sovetskiy politicheskiy diskurs: analiz nominalizatsiy* [The Russian Language and the Soviet Political Discourse: Analysis of Nominalizations]. Stepanov Yu.S., ed. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: the French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 337-383.

13. Solovyeva N.N. *Avtorskie novoobrazovaniya v detskoj literature: struktura, semantika, pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Author's Neologisms in

Children's Fiction: Structure, Semantics, Pragmatics. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow, 1995. 17 p.

14. Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 1996. 206 p.

15. Crowe Ch. *More Than a Game: Sports Literature for Young Adults*. Lanham, MD, Scarecrow Press, 2004. 188 p.

16. Marcus L.S. *Ways of Telling*. New York, Dutton Children's Books, 2002. 245 p.

THE ADDRESSEE AGE AS A FACTOR DETERMINING THE DISCURSIVE STRUCTURE OF A WORK OF FICTION

Beloglazova Elena Vladimirovna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Language Theory and Translation Studies,
Saint Petersburg State Economic University
raemahet@gmail.com
Sadovaya St., 21, 191023 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. In the present paper the author attempts to establish the connection between the discursive structure of a work of fiction and the addressee age factor. At that the point of departure for the argument is (a) the thesis on discursive heterogeneity being a feature of fiction in general, which is a direct consequence of literature of literature being aimed at reflecting the world in its entirety and complexity, and (b) the assumption that the above-said is applicable to children's fiction, though discursive heterogeneity undergoes a certain transformation due to the specific nature and role of literature for children.

The category of addressee in the cornerstone of children's fiction predetermining: on the surface level – the selection of organization of language means in the text; on the contents level – the selection of story and characters; on the ideology level – the configuration of the polydiscourse of the children's fiction, as well as the selection of discourses' representatives.

The peculiarity of children's fiction is primarily due to the ideology underlying it - what the society demands from the right book for kids, which is viewed as a socializing tool. And in order to be efficient, the tool needs to be tailored for its object, its exact parameters, age being one of them.

Thus the complexity of the discursive structure of literary works for children appears to be directly related to the age of their ideal reader, which is shown in the article by comparative analysis of works addressed to floor and ceiling audiences of the childhood span.

The analysis reveals the fact that older readership leads not only to a greater complexity of a literary work's discursive structure, but also to a wider variety in the ways of introducing interdiscourse into text.

Key words: children's fiction, discourse, discursive heterogeneity, ideology, addressee.